

ИГОРЬ
ГРИГОРЬЕВ

ЖАЖДА
стихотворения

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
1977

Оформление художника
Н. МИХАЙЛОВА

О СЕБЕ

Говорить поэтам о себе вернее бы, да и честнее всего, стихами: в стихах не пустишь пыль в глаза, никуда не денешься от самого себя. Таково уж свойство Поэзии: она — сам человек, взявшийся за перо.

Но поэзию рождает жизнь.

Родился я 17 августа 1923 года в деревне Ситовичи Порховского района Псковской области. (От Ситович теперь осталась только вековая липа, посаженная моим дедом Григорием Дмитриевичем.)

Наш дряхлый, похожий на гумно, «Гришин» пятистенок стоял в полуверсте от деревни, на самом краю леса. Лес всегда был моим приятелем закадычным и вторым домом. И доньше мы с лесом на ты.

Пяти лет от роду, выученный сестрой Катюшей азбуке, я прочитал в какой-то растрепанной книге:

То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небе, что оконца.

Это поразило: ведь именно так и было в нашем лесу. Назавтра вечером я отбывал наказание — стоял в углу — за своеволие (спозаран-

ку сбежал на реку Узу ловить раков: километра с четыре туда, столько же обратно да вдоль реки сколько; и все — лесом, по лесу, в лесу: благодать!). В этом самом углу, от переполнившей радости и нахлынувшей обиды, на меня и «нашло»: я сложил свое первое «Стихотворение про милую речку и злую тетку». Осталось в памяти:

Речка милая моя,
Без тебя как без рук я!
Ольга рыжа, что лиса,
На носу два колеса...

С того и началось.

А двадцать восемь лет спустя, 2 сентября 1956 года, газета «Псковская правда» напечатала три моих лирических наброска.

С первым сборником стихов мне просто повезло. Нежданно-негаданно на моем самостоятельном поэтическом пути повстречался большой и светлый человек, редактор Татьяна Владимировна Боголепова, и «Родимые дали» (Лениздат, 1960) увидели свет.

Теперь у меня опубликовано десять книжек лирики и поэм. «Жажда» из них и собрана. Ее вы-

ход не считаю каким-либо итогом. Впереди — непочатый край многотрудной, сверхответственной и прекрасной работы — песней людям служить.

Отечественную войну провел на Псковской земле. Вместе с многими соотечественниками моими хлебнул оккупации — унижения, тоски, горестных мук... Лихое и страшное время, до последнего вздоха своего не перестану думать о тебе. И у последней черты не отрекись от ненависти к фашистским атрибутам — кровожадности, подлости, шкурничеству.

Когда мою помощницу и друга верного, Любовь Смурову, схватили фашисты (случилось это в поселке Плюсса, 11 августа 1943 года), мы с братом Львом Григорьевым бежали в партизаны. И теперь, спустя тридцать лет, с Дня Победы до сей поры, мне не по себе от мысли: «Вот они — двадцать миллионов сыновей и дочерей, и с ними Любовь Смурова и Лев Григорьев, полегли за нашу Родину, а ты, живой, когда заговоришь о них во весь голос?»

Воевал в бригадной разведке Шестой ленинградской партизанской бригады. В феврале месяце 1944-го получил последнее ранение на войне.

Были госпитали.

Потом промышлял охотой в костромских глухоманях и фотографией на Вологодчине, бродил в геологической экспедиции по Прибайкалью, работал грузчиком, учился в Ленинградском университете.

В моих стихах я не мыслю себя без России, без нашего времени — ничем не сокрушимого сплава времен: будущего, настоящего и прошлого.

Игорь Григорьев

1976

*Здравствуй, бережек с чуткими ветлами,
Многотрудный пречистый исток.
Остуди меня, реченька светлая,
Обогрей, незабвенный песок.
Жил в разлуке с тобой не от гордости
И пришел не от худа к тебе.
Не от боли слеза, не от горести —
Всё лад-ладом в суровой судьбе.
Мой поклон — не раскаянье грешника,
Не бродяга приюта прошу:
У ключа, в благодати орешника,
Правлю праздник я — просто дышу.
Голубень. Столько дали отпущено
Просветленным тобою глазам,
Столько счастья распахнуто сущего,
Что себе позавидуешь сам.
Подивуешься. Миром наполнишься.
Все забудешь. Покой обретишь...
Ти-ши-на да водица! — опомнишься
И, до капельки, в русло впадешь.
Как тут ясно, заря незакатная,
Неужель не осветишь мой клоч?
Терпеливая, вещая, страдная,
Дарствуй мне твою ясность постичь.*

Вот она, наша жизнь,
вот она, наша судьба,
вот она, наша земля,
вот она, наша душа.

Вот она, наша жизнь,
вот она, наша судьба,
вот она, наша земля,
вот она, наша душа.

Вот она, наша жизнь,
вот она, наша судьба,
вот она, наша земля,
вот она, наша душа.

Вот она, наша жизнь,
вот она, наша судьба,
вот она, наша земля,
вот она, наша душа.

ЛИХО

СГОРЕВШЕЕ — НЕСОЖЖЕННОЕ

Я помню огненную ночь,
Тротила адскую работу,
Вконец измотанную роту,
Невластную земле помочь;

Сорвавшуюся с цепи смерть,
Бездомных беженцев, обозы,
Лютенной тучей — бомбовозы,
Беды и крови коловерть;

На всех — последний эшелон,
Крик паровоза, крик прощальный,
Совсем последний — погребальный;
Оставленных бездонный стон.

О, как был темен тот рассвет,
Когда на русском полустанке

С крестами зарычали танки:
Спасенья нет, пощады нет.

Я вижу, вижу, как сейчас,
В дымище бурую лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз.

Метались люди, как в бреду,
Рыдало солнце в черном небе,
Плясал пожар в созревшем хлебе,
Рубили яблоню в саду...

Цвели поля — всё прах и тлен,
Был тихий кров — торчат лишь трубы,
Любило сердце, пели губы —
Теперь кругом тоска и плен.

И мне мерещится доньше
Младенец, втоптаный в песок,
Забитый трупами лесок,
Распятый старец на осине.

У них в глазах — ни зла, ни лжи,
Они велят: «Чтоб мир не ранить,

Пусть бережет бессмертно память
Всю нашу дрожь, всю боль души!

Пусть дочери и пусть сыны —
Живые — павших поминают,
Да никогда не забывают
Они об ужасах войны!»

1950—1974

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы —
Такое, как в дни старины.
Искромсаны в щепки березы
Нещадной секирой войны.

И стьнут в тепле буйноцвета
Мужья... Бобыли... Сыновья...
Не сделано столько! Не спето!
А в чашу веселое лето
Вселило для них соловья.

А в селах глухие разрывы
Да толом пропахшая жизнь.
И кажется — тучные нивы
Рыдают над каждым: проснись!

Щетинится жердь у омета
Вихрастой веселой листвою.

А в поле частят пулеметы,
Свинец высевая густой.

И полдни черны и косматы,
И страшны, несчетны дымы...
Отчизна, твои ль это хаты
С окошками, полными тьмы?

Твоя ль это радость лесная?
Кладбищ вековечная грусть?
Вот этот, как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти понурые люди? ..
Бедует набатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит,
Что будет! Что было! Что есть!

1941

ЛИХО

Немо краснолесью, слепо лучезарью:
Свет погашен сталью, высь набрякла
гарью.

Ни «ау!», ни эха, ни смешинки малой —
Лихо, тлен, глумленье злобы небывалой.

Ни росы, ни дали, ни туманной рани.
На дорогах скорбных — жуткие «лохани».

Ничему пощады от крестов безбожных,
Никакого лета в убиенных пожнях.

Прах и разоренье, боль и унижение.
Умирают села, как в костре поленья.

Ни дверей, ни окон в избах несгоревших —
Головы да крылья петухов отпевших.

Обмерла осинка у горюн-крылечка,
Будто потеряла знобкое сердечко.

Все еще не может в быль-беду поверить:
Мертвых — не оплакать, горя — не
измерить.

Дом военнопленный без трубы и крыши,
Ты и в тяжких ранах «юнкеров» превыше:

Не зовешь пощады, не сулишь прощенья;
Кто тебя осудит в страшный час
отмщенья!

1941

ЛЮБА СМУРОВА

Скрыт он: схвачен цепким заморозком,
Мраком взят, заполонен —
Чужеземным, злым, декабрьским —
Русских глаз июньский лен.

Над простором, в цепи брошенном,
Стонут очи, ночь кляня.
Не гляди, моя хорошая,
Не гляди так на меня.

Я и сам пронизан стужею,
Подступает к горлу ком. . .
Песня — вещее оружие!
Дай гармошку: запоем.

1942

БУРЯ

Разгуделась придорожная струна,
Поразохался корявый березняк.
Ой душа моя, родная сторона, —
Обезлюдивший тоскующий большак.

На отшибе сиротеет деревцо,
Плачет темная часовня на юру,
Прячут дали ненаглядное лицо —
Не до игрищ на кровавом на пиру.

Здесь подошвы чужеземные стучат,
Кружат «адлеры», бросая сердце в дрожь.
Вихорь огненный, слепой свинцовый град,
Наше солнце все равно не заметишь.

Не сумевших от беды тебя спасти,
Мать пресветлая, распятая врагом,
Ты прости своих сынов, прости, прости!
Для тебя на все готовы: мы идем!

1942

ВЕРНОСТЬ

Не море — горящее горе,
Земли перепуганной дрожь.
Свисают пробитые зори,
Стекают в убитую рожь.

Склонились к ее изголовью,
К последнему вздоху ее,
На землю, залитую кровью,
На горькое сердце мое;

На доброе страшное сердце,
От мести глухое дотла,
Которому некуда деться:
Нет жизни — и смерть обошла.

О мир, ясноглаз и доверчив,
Тебя, на съеденье войне,

Хватают клыкастые смерчи
И в черном корежат огне;

Грабастают, пьяны от власти,
И пляшут на красных костях.
И стонешь ты в бешеной пасти,
И тонешь в железных когтях.

Но смотрят нам в души нагие
России сухие глаза:
«Мои сыновья дорогие,
Ни шагу, ни пяди назад!»

Хоть страшно, должны мы
признаться,

Должны — в беспощадном пути:
Ведь некуда больше сдаваться,
И некуда дальше идти.

Мы внемлем. Мы жить не устали.
Решились: на дыбе-стеze
Мы стиснули души, мы встали —
Живые и мертвые — все.

Последний подарок приносим —
Пожары да точность свинца.
И мрем. Но вздыматься колосьям,
И зорям не прятать лица.

1943—1973

РАЗВЕДКА

Пятый день мокропогодит,
Пьяный ветер колобродит.
Выйдешь — оторопь берет:
Не земля — сплошная лужа,
Дождь за пазухой да стужа.
«Кто на дело? Шаг вперед!»

Как медведица-старуха,
Ночь буреет, мает глухо:
«Ты один? Один за всех?
Стой: на тропях лосьих топко!
В чаще муторно и робко:
Ни попутчиков, ни вех.

Поверни, пока не поздно, —
Там, куда идешь ты, грозно:
Встретит выстрел, в темь швырнет! . . .»

Черт те что... Бывает. Ветер...
Где-то люди спят на свете.
А разведке — шаг вперед!

1943

ПОЕДИНОК

Застыли: русский паренек
И чужанин-пруссак.
Глаза — в глаза, зрачок — в зрачок,
Жар — в лед, кинжал — в тесак.

Глядят — друг друга пепелят.
Пылает кровью склеп.
Спокоен, светел синий взгляд,
Белесый — лют и слеп.

В застенке тишь как динамит,
Грозней, чем ураган.
Устал гестаповец: молчит,
Ни звука — партизан.

Лиха судьба: у паренька
Цепь руки сторожит,

Но парабеллум у врага
В руке дрожмя дрожит.

Не спрячешь злого страха в пол,
Не скроешь — прячь не прячь:
Ведь ты отвел, отвел, отвел
Свои зрачки, палач.

Мальчишке пробил смертный час,
Но что твой пистолет:
Верней, точнее чистых глаз
Оружья в мире нет.

1943

В СУГРОБАХ

Снежная держава. Как валы сугробы:
На сыпучих гребнях вьются волчьи тропы.
Жить беда в сугробах: долго ль заблудиться,
Оступиться, согнуться, сердцем просквозиться.

Ох, простого проще в дикой снеговерти
Разучиться верить, напугаться смерти,
Позабыть о веснах в сумерках унылых,
Выпустить оружие из ладоней стылых,

Угасить надежду, растерять патроны,
Гнев, как порох жаркий, разменять на стоны,
Оскудеть зрачками: вместо слез — ледышки,
С мраком не тягаться — переждать

в затишке...

С думою свинцовой пробиваюсь к лесу,
Чуть живой вбретаю под его завесу —

Сердце приказало, сердцу не перечу:
Может быть, сегодня след Веснянки встречу.

Хвойные лохмотья донизу повисли,
Тишина — услышишь собственные мысли:
Обжигают, рвутся, заползают в уши,
Вздрагивают, бьются, мрут в тенетах стужи.

Выплакала очи вдовая округа,
Только я да мысли: ни пути, ни друга,
Только плотный холод льется из сугроба
Да клубится бора жадная утроба.

В очень белом ели, мертвые, прямые,
И над всем — сугробы, как гробы, немые.
Но сведенный палец на курке взведенном
Может вспыхнуть! Может — и на дне
студеном!

Человечье «страшно» и сильно, да бrenно.
Знаю: след набатный вспыхнет непременно.

Завтра снова в снеги выйду спозаранку:
Захлебнусь в сугробах иль найду Веснянку!

1942

26 СЕНТЯБРЯ 1943 года

Льву Григорьеву.

Ты меня прости: без слез тебя оплакал.
Умирили избы, ночь горела жарко.
На броне поверженной фашистская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.

Жахали гранаты, дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверяясь глине зачерствелой.

Вот она, война: в свои пятнадцать весен
Ты уж отсолдатил два крошечных года.
Ты и в тьмище ясен, и уснувший грозен,
Как рыдающая над тобой Свобода.

1943

ЗАСАДА

Перед утром спит огонь,
Но курки — лишь пальцем тронь.
«Бра-атцы, в хату б завернуть.
Закусить бы да курнуть.
Прикорнуть.

Одолжи, дружок, жмыха —
Замутило ото мха.
Эх, едал я... до войны
Порумянее луны
Блины».

«Чудачина человек,
Будет нам ужо ночлег».
«Ша, ребята, шум — хана...»
Натянулась, как струна,
Тишина.

Полнолуние, снежный прах,
Плач, хохочущий в кустах,
Виден звук, и слышен цвет:
Ходят рядом тьма и свет —
След в след.

1944

ПЕРЕХОД

У кромки седая осина
Хохочет, хохочет навзрыд.
Вязка ты, псковская трясина, —
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отошальный
По клюкву не смеет летать,
Кабан — вездеход одичалый —
Обходит пропащую гладь.

Здесь — прямо, и справа, и слева —
Стоглазая целит напасть,
Бурчит ее черное чрево,
Оскалена бурая пасть.

И нету нам выбора. Нету.
И можешь не можешь — иди!

«Что встали? Да лужицу эту...
Ой, мама, да здесь — до груди!..»

Глумится ноябрьская стужа,
А избы, как май, далеки.
«Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!»

«Эй, зяблики, грейся от заката,
Лечебных грязей не корить...»
Да кто ж вы такие, ребята?
Да как же России не быть!

1943

МОСКВА

Ты до сих пор не пересох,
Свирепый друг, Соколий мох,
Наш тяжкий вздох.
Не позабыть: брели без сил,
Свинец над нами голосил,
Казался тьмою белый свет,
А главное — патронов нет.
Отбит наш приступ штыковой,
Висит «костыль» над головой,
И за спиной — полк егерей глухой стеной.
Ни встать, ни лечь, ни повернуть.
Трясина: шаг ступил не так —
И все, земляк, окончен путь.
А впереди на нас глядит
Немая синяя беда — вода.
Куда идти? куда? куда?
Мы оседлали островок —
Сто сажень вдоль, сто поперек —

И залегли в плавун кольцом,
В дурман-богун — к врагу лицом.
Приказ: «Держаться до утра!
Стреляют только снайпера!
Друзья, не промахнись, а то...»
«Зови Москву! Зови, браток,
Зови, радист!
Радист, радист, поторопись!»
А до Москвы — полтыщи верст,
В крови, в плену, слепых от слез,
А у нее недобрый день, тяжелый час,
Ей не до нас:
Над нею враг навис, как тень,
Там от его стальных когтей
Дрожит и дыбится земля —
Ложатся бомбы у Кремля.
Ты, мать, поймешь своих детей,
Ты не осудишь нас.
Нам без тебя нельзя сейчас,
Нельзя без помощи твоей.
«Зови, радист! Зови скорей!»
И ты не укорила нас:
Пришла, нашла, спасла.
Последний, может быть, запас —

Патроны — принесла.
«Пока живу, живете вы, —
Живем, хоть нелегко!..»
Кто выдумал, что до Москвы
Далёко-далеко?

1959

* * *

Последний выстрел замирает,
Последний тонет стон.
В кипящей заводи сгорает
Стальной немецкий слон.

Шестидюймовый хобот скручен —
Отвыл, отлютовал.
Вопит Земля в цепях колючих:
«Не бейте наповал!

Мне — цвель, а я черна от жути —
Зола и тлен до дна.
Зачем вы так со мною, люди?
Ведь я — всего одна!»

Пойми, Земля, — людскому званию
Совсем не все верны:

Твои верховные создания
Не все тебе — сыны.

Суди, какие громометы
Сожгли твой чистый берег.
Вот эти с черепами роты —
Не люди — грех и бред.

Смоги — они б тебя загрызли,
Распяли б — грянь их час,
Когда б не мы, не наши жизни...
Земля, вздохни о нас!

1943—1975

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи — как малые дети:
Плачется вдруг и смеется.

Ветер загикал, захлопал,
Бахает гром холостыми;
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

До земли высь опустилась,
Кланяясь темным избенкам.
Дождик, хороший, как милость,
Чалым бежит жеребенком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.

Дня многогорлая гряда
Празднует, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохом раскатистой грома.
Травы в росистой полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Души врачует и дразнит.
Небо, и то не смолчало:
Вышло — до тучки — на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломленном зените...
Слышите? Верите, други?
Мы победили! Живите!

1945

КРАСУХА

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Постой у разбитой опушки,
Ничуть не боясь, подыши.
«Грохочет! ..» — Гуляют лягушки.
«Крадется! ..» — Встают камыши.

«Взывают нещадные трубы! ..» —
Не рвись: гомонят журавли.
«Над лесом багровые клубы! ..» —
Заря доспевает вдали.

«Стенанья протяжные, вдовьи! ..» —
Ведь совушка это поет.
И полнится синею кровью
Раскиданный паводком лед.

И месяц линем неторопким
Полощется в полном пруду...

И станешь ты тихим и робким,
Зачем-то с собой не в ладу.

Зачем-то к траве равнодушной
Прижмешься холодной щекой,
Как в детстве сгоревшем, послушный,
Вздохнешь, что совсем не такой.

Ах, как мы отвыкли от весен!
Ах, как мы без них не могли! . .
Копейки сиреневых блёсен
На рыжую глину лёгли.

Восход, желтоперая птица,
Смеется за черным бугром. . .
И весело вдруг загрустится,
И горе набухнет добром.

1945—1953

НА ПЕПЕЛИЩЕ

При тропинке безымянной —
Куст сирени.
Под кипреем над поляной —
Три ступени.

Три ступени в чистом поле —
Как три лика:
Ни злой памяти, ни боли,
Ни полкрика.

Светят, никнут, льются травы
У погоста:
Ни тоски, ни мечь-отравы —
Время роста.

Не полынь — медынь и сладость
Обрученья.

Забутье, любовь и радость —
Всепрощенье.

Но когда гроза взывает
На закате —
На ступенях зарывает
Память-матерь. . .

Мать Скорбящая из ночи
Окаянной,
Не сжигай святые очи
Над поляной.

В этой грусти беспечальной —
Не беспечность:
За тропой первоначальной
Дышит вечность.

1972

ПЛАЧ ПО КРАСУХЕ

Чернобыль на пепелище
Да густой бурьян.
Оготело ветер свищет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой иль хата —
Пусто впереди.
Только зарево заката
Душу берedit.

Только трубушки у речки
Над печами в ряд —
Непогашенные свечки —
В прах-золе горят.

Только ворон хрипло, глухо
Крикнет о беде. . .

Что с тобой, моя Красуха?
Где ж ты? Где ты? Где?

Я четыре черных года
Светлой встречи ждал,
Я ходил в огонь и в воду,
Кровью истекал.

Жгла меня тоска-поруха,
Лютая напасть,
Чтоб тебе, краса Красуха,
В горе не пропасть.

Верил: ждет меня невеста,
Дом родимый, ма-ать...
Где я? Памятное место
Сыну не признать.

В день свиданья — ночь разлуки:
К сердцу сквозь кусты
Тянут высохшие руки
Сирые кресты.

На тропе, как дума ночи,
Бьется чернобыль:

«Растопчи меня — нет мочи
Трогать эту был! . . .»

В сорок третьем в тьме метели
На село мое
Набежали, налетели
Псы и коршунье.

Триста душ, ни в чем невинных,
Выгнали на снег.
Затолкали в пасть овина
Триста человек!

Заплескалось пламя в крыше,
Взвился — в вечность — чад.
Ужас в ужасе — не дышит.
Мертвые молчат.

Только память не забыла
Беспощадных дней:
Это было, было, было
На Руси моей;

На земле седой и слезной,
Льющей кровь свою,
Неподкупной, гордой, грозной
В праведном бою.

1945—1975

* * *

На последнем своем берегу,
Далеко от родного села,
Ты споткнулся на черном снегу —
Завершаешь земные дела.

Чадный воздух со всхлипом глотнул, —
«Тигр» дымит, будто адский ушат.
Гаснет, глохнет сражения гул,
В поле зори красно мельтешат.

Потянуло парным молоком —
Сердцу нет ни разлуки, ни верст:
Незабвенный родительский дом
Светит в ливне пронзительных звезд.

Все как в детстве: клененок, лужок,
Ты бежишь по росе босиком,

Где-то плачет пастуший рожок, —
Просто так, ни о чем, ни о ком.

Желтый звон и малиновый зной,
Синий щебет и вздох у ручья...
Здравствуй, мать! И не плачь надо мной:
Ты — во мне, отчизна моя.

1944—1975

У ПРИЧАЛА

Старый отче, теплый берег,
В пору трудную
Не заждался? Не отверил
Сыну блудному?
Хоть не раненько — под вечер,
Вот... причаливаю.
Не взыщи, хвалиться нечем
Обпечаленному.
Коль признаться между нами, —
Не прославился,
А геройством и чинами
Отзабавился.
Не серчаешь? Вот и ладно.
Почеломкаемся!
Дай обнять тебя, прохлада,
Радость ломкая!
Что молчишь, сестра-беляна —
Березиночка?

Накрывай на стол, поляна,
Как же иначе.
Синь бездонную псковскую
Всю не выплакала?
В светлом сумраке тоскуя,
Песню выкликала. . .
Сеет месяц сизый пламень —
Блеск и сажина.
Мягко-мягко, плавно-плавно
Осень вяжется.
В грудь непрошено стучится
Грусть длинущая.
Чу! Волчат зовет волчица
В чуткой пуше.
Выдра плещется, русалка ль
Одинокая?
Щука — в заводи, как палка,
Тигробокая.
Под волнами, над веками —
В дремной прозелени
Спит горюн Вороний камень
В Теплом озере.
Свет-князя и чернь-мужланы
Смолкли, выпеснились.

Отболели злые раны,
Слезы выпреснились.
Тихий брег в туманной дымке,
Лежень ласковый,
Распечаль, размыкай думки
Складкой-сказкою;
Ставшей сказкой, вещей былью —
Доли мерою.
Я, рожденный русской болью,
В раны верую.

ОТЧИЗНА

Желтая стежка в горку течет.
Реченька дышит, вброд переход;
Тронешь — из ледника слезы — вода.
Над головою жгуты-провода.
Мачты земли, как подпорки небес.
Надвое сталью разрезали лес.

Каждому листику в этом лесу,
Всякой былинке на тихом мысу
Я в своем сердце песню несу.

Здесь без шапчонки на резвом ветру
Я обучался любви и добру,
Тут научился у кротких берез
Плакать всерьез и смеяться до слез.

Где тот малец, оголец-сорванец? ..
Сколько родных отстучало сердец,

Сколько провожено кровных друзей,
Сколько исхожено длинных путей
В хмурой и ведренной шири твоей!

Вся ты, бескрайняя — с высью хребтов,
С гулом столиц, с глушью лесов,
С далью полей, с глубиью морей, —
Стала одним кровом родным,
Долей моей.

И оттого мне глухой уголок —
Псковского неба лнялый платок,
Горький дымок, перекресток дорог,
Отчий порог, запечаленный сад —
Ближе, тревожней, дороже стократ.

Ты меня грела, стыдила, несла, —
Кто б мне помог, если б ты не спасла?
Пламя твое мне дано и броня!
Ты ведь, как сердце, одна у меня.

ВЕРЕТЕНЬКА

Нине Чечулиной

Есть на Порховщине
Речка Веретенька.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Перышки да кости,
Алая рубашка,
С прозеленью хвостик.

На ночь угнездится
Под листком ореха,
В горсти уместится.
А душе — утеха.

Так и Веретенька,
Ластынька-водица:

Узка, коротенька,
А не надивиться.

Заросла кугою
От ключа до края,
Выгнулась дугою,
Кроткая такая.

Сказывает байки
Малым пескарятам,
Нежит без утайки,
Лилейки не спрятав...

Много рек я знаю,
Помню даль-походы:
Плавал по Дунаю,
Мерил Вислы воды,

Обь меня качала,
Колыхала Волга,
Сердцем привечала
Свет-Нева надолго.

Но лишь эта речка,
Лишь моя светлана
Для меня навечно —
Песня-необмана.

1959

ГЛУШЬ

Обоймет молодая теплынь,
Заведет, не спрося: «Забери!»
И такую поведает синь —
Хоть губами, хоть горстью бери.

То-то любо к духмяной груди,
Обо всем позабыв, прикипать,
В половодье безвинных лядин,
Ни о чем не грустя, утопать.

Плыть по травам, дышать и молчать,
На далекий свой путь не пенять,
Настоящую волю встречать,
Немудрящую радость понять.

Ошалело добреть, молодеть
Безбоязненно: что там потом...

И глядеть, и глядеть, и глядеть
С пересохшим улыбчивым ртом.

Ни чудинки — одни чудеса,
В каждом листике — трепет души.
И глядят тебе в душу глаза
Не заглохшей для счастья глуши.

Ах, как ждут они: ясностью жгут.
В них не тишь, а немая гроза.
Ты взглядишь, ты не пасынок тут:
Ах, как ждут они, эти глаза!

1959

СИНИЦА

Приподнял голову: «Мир вам, друзья!
Принимайте: вместе милей зимовать.
Мирон Петрович Синицын я,
По-свойски — Синицей-дядюшкой звать».

Вгляделся в лица: бойцы, свои.
«Не зря осенило: дай загляну.
Не вешать голов: я здесь, соловьи.
Выходит, свиделюсь. Ну и ну!..»

Кто ведает, сколько бы целых тел
Волшебник-хирург собрал из нас?
Но душ, в которых светляк теплел,
Пятнадцать в палате: ждали свой час.

А в окна ломился плакун-февраль,
Сжигал, лиходея, надежды мосты.

И вся наша даль, бескрайняя даль,
Кончалась у самой первой версты.

И вдруг из клятой кромешной мглы,
Как смех ребенка, чист и высок,
Звонче безмолвия, жарче иглы,
Пробился к нам вещун-голосок.

Всколыхнулся Синица: «Тезка поет!
Братки, да это ж к теплу она,
Гляньте: на стеклах отходит лед!»
И всхлипнул по-детски: «Вот те и на!

Ей-ей же, веснеет! Теперь поживем:
Синицы не пробуют зря голосов. . .»
Он так и умер с веселым ртом,
С красной слезиной в щетине усов;

Так просто, так ясно, не падая ниц,
Не выпустив боли в светлую даль,
Даровав нам милость — слушать синиц,
Любить, горевать, поминать февраль.

1960—1974

НЕ ВОСЕМЬ ПОЛЕЙ ПЕРЕИТИ

Откуда в ней столько живого,
У хворой, у хрупкой такой?
Сыскала целебное слово,
Пригрела шершавой рукой.

Узорный платок повязала:
«Меньшого кровинушки дар!»
Нарезала хлеба и сала,
Спроворила вмиг самовар.

Присела. Вдохнула глубоко.
Взяла ломоток — почерствей.
«Вечорась вещунья сорока
Недаром сулила гостей.

Да грейся ты, родный, согонится:
Чашко врачует с дорог.

У нас дармовая водица —
Погрейся, ведь крепко продрог.

Слышать, побывал в загранице». —
«Поклон ему сvez и венок».
«Как спит он в нерусской землице,
Твой друг, мой последний сынок?»

Поплакать бы всласть над могилой
Моих убиенных солдат —
Да не дано времечка, милый,
Сам знаешь: дела не велят».

Горя горевыми очами,
Строга и спокойна с лица,
Умолкла в горючей печали,
Седая, как в свете венца...

Тужила, терпела — растила.
И лишь повзрослели сыны,
Сама — восьмерых — проводила,
Чтоб жизнь заслонить от войны.

И восемь — ведь восемь, все восемь —
Домой не придут никогда.

В трубе потешается осень,
За дверью дрожат холода.

А с нею — пять внучек, три внука
Да сердце без всякого зла.
Тоска ухмылялась: «Под-друга!..» —
В открытую душу ползла...

Какая в ней сила сокрыта,
В простой, в беззащитно-земной?
Ведь восемь десятков отжито —
Как восемь полей за спиной.

Как поле, добра и несказна,
Тиха, как созревшая рожь,
До малости с жизнью согласна...
«Ты грейся, себя не тревожь!»

1953—1973

ИЮНЬ 1945

Александр Паркаеву

Пробилась на свет, затопила курганы
Такая большая трава,
На зорях гривастятся росы-беляны,
О, если б не хата-вдова!

Ей спится привычно, ни шатко ни валко:
Ни пир не тревожит, ни пост.
Ей годы пророчит кукушка-гадалка,
Ее превозносят до звезд.

А день ничего себе: точен и прочен,
Всему свой и срок, и черед.
Здесь даже осинный тын у обочин
Что может от жизни берет.

Он крохотки корни земле заглубелой
Доверил. И сжалилась мать —

Зажгла, одарила листвою оробелой,
Торопится свадьбу сыграть.

На тыне веселый петух горлопанит:
Чего еще — цела глава,
Шумит, как форсистый подвыпивший
парень,
Которому всё трын-трава.

И солнце падет — на часок на единый
Июнь на Руси «без ничьих»:
И рьяно, и любо, как гром над лядиной,
Зовут дергачи дергачих!

Весь ласковый мир до зари от заката
Поет, не давая заснуть.
И родина, если б не вдовья хата,
Была бы не горькой. Ничуть.

* * *

Знать, нельзя иначе —
Не от нас напасть, —
В хохоте и плаче
Стужи взяли власть.

С октября-грустили
До апрельских вод
Никакие силы
Не растопят лед.

Никакие ветры
Снежищ не спалят,
Не подарят ветлам
Зеленой наряд.

Ветлы онемели,
До колен седы.

Никакой капели
Не взойдут следы.

Дни темны и кратки,
Ночи без луны,
Вихоря нападки
Жгуче холодны;

На равнине — благо:
Жмет — и крут, и скор, —
Нагрозил, бродяга,
Насугробил гор;

В безответном поле
Кружит: «Береги-ись! . . .»
В сердце поневоле
Пригасает высь.

Зимно, бездорожно,
Мертво наяву.
Только разве можно
Погасить траву?

ДОРОГА

Когда тебе станет некуда деть
Нахлынувшую тревогу,
Садись в вагон, не ленись глядеть,
Как даль раскрывает дорогу.

Кори себя круто, ничуть не кори,
Как знаешь, не в этом дело:
Вникай, как желтеет кромка зари,
Распахнуто и оробело.

Встает ли солнце, садится ль оно,
Зима ли за окнами, лето,
На юг ли, на север путь, все равно —
Важно совсем не это.

Можешь молчать, вступи в разговор —
С того ничего не убудет.

Ты слушай, как под колес перебор
Смеются и плачут люди.

Смотри, как шарахаются кусты,
Как поле пляшет и кружится.
И мысли придут, ясны и просты,
И на сердце разнедужится.

И станет в глазах теплой, голубей,
И глянешь в себя престрого.
Есть на земле от людских скорбей
Верное средство — дорога.

1946

ПАМЯТЬ

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнятся лобное место,
Невинной полынью заросшее.

Роняет ракета,
Как гильзы, латунь сентябриную...
Забыто, забыто, забыто.
Зарыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки —
Все годами списано, сглажено.
Осинами стали осинки,
Лепечут: «Все мирно, все слажено.

Прихожий, прохожий,
Не стой, выставляя под тучами:

Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горячими.

Им выситься долго,
Их горького долга твое не касается... »
Но давнее — взяло! отволгло! —
Как ливень слепой, разгорается.

Помяна за кромкой —
Как сердце седое — урочище,
Морозище, красный и громкий,
И шмайссера око хохочущее.

И эти осинки —
Прямые, рядочком, одиннадцать.
И заступ в дымящем суглинке,
И ров. И нельзя отодвинуться.

И унтер хрипящий,
Как будто не он — нас, а мы — его!
И рядом, ах, рядом до чащи.
И выдох стелящий: «Мы з Киева-а! »

И всё. Темнотюга.
Ни боли, ни жара, ни холода...

Очнулся я: плакала вьюга
Разгневанно, истово, голодно.

И хлюпало глухо
В груди, рушником запеленатой.
И все повторяла старуха:
«Убитый, а смертью не тронутый!..»

Скорбяще глядела,
Крестила усохшими пальцами:
«Пожуй — подходяще для тела.
В картошку б — солицы да сальца бы!»

И ладно ли, худо
Творила она милосердие —
Мой недруг, не верящий в чудо, —
Ведь знаешь: дышу после смерти я.

И память — живая,
Бессонная, жгучая, длинная —
Стучится, взывая:
«Поляна! Поляна полынная!»

1963

* * *

Любо ли, так себе, лихо,
Торна стезя, бездорожно ль, —
Просто, наивно и тихо
Жить — многотрудно и сложно.

Сам я, не грезя о чуде,
Просто живу-поживаю —
Тихо, как добрые люди,
Плачу, плачу, уповаю.

Дело почивших и сущих
Сердцем тревожным приемлю:
Зовы столетий грядущих,
Кровью омытую землю;

Бражную душу под схимой,
Долей согбенные плечи,

Боль, равнодушие любимой,
Горечь, что все мы не вечны;

Радости, встречи, потери,
Снег, приласкавшийся к маю,
Мертво молчащие двери,
Где я стучусь и взываю. . .

Все это жизни всевластье,
Все, до последней дрожи,
Что же тогда, коль не счастье?
Если не чудо, то что же?

1948—1974

КРАСУХА

Ты взошла на холм, скорбна, но не убита.
Ты устала, босы ноженьки болят.
Ты — из камня, ты — из мертвого гранита,
Ты — немая, но душа твоя — набат.

Здесь — Красуха, здесь Россия в каждой слезке.
В каждом взгляде, в каждом вздохе люб-травы.
И не знают зла не знавшие березки,
Отчего нагоркли песни синевы.

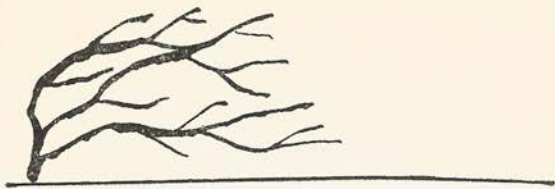
Что им знать: они родились в сорок пятом,
Им стоять на избах, выжженных дотла.
А тебе нельзя не помнить — память рядом:
Вековая безутешная ветла.

Над холмом твоим — бездонная тревога:
Ни сыночка, ни забвенья в мире нет.

И у ног бежит не сельская дорога —
Путь кремнистый, путь тернистый в белый свет.

Горько, грозно, чутко в чаще краснотала,
Вечный сон, печаль и воля — жизни власть.
Здесь Красуха, здесь Красуха умирала,
Здесь погибель до бессмертья вознеслась.

1972

ВЬЮГА

* * *

Не шелóхнется, не встрепенется
Отгулявший свое польнок.
Никого — ни синицы, ни солнца,
Только тлен торжествует у ног:

«Ясноглазые угли ослепли,
Отроняли горячую дрожь:
Ни огинки в заиненном пепле,
Не надейся, костра не зажжешь.

Не задышат холодные травы,
Отлюбили, отверили в май.
Журавли покоренные правы:
Допивай, допевай, улетай.

Поаукает память скорбяще
И ударится грудью о лед:

Слышишь, в пленной безропотной чаше
Стужа синие песни поет?

Видишь, в скошенном, в скованном поле
Сумрак темные точит ножи?
И уже ни заботы, ни боли
Горицвету у черной межи...»

Лес распахнутый, лист отзвеневший,
Птицы смолкшие — сердцу родня,
Я люблю этот мир замеревший,
Ожидающий красного дня!

1967

В СНЕГОПАД

Федору Абрамову

Вы видели кукушку на снегу?
Вы слышали раскатистую птаху,
Как будто голову кладущую на плаху,
Когда другие птицы ни гугу?

Когда апрель с морозом заодно:
Притих, забыл свое предназначенье.
И стонет, тонет голубое пенье,
Ложась на зимнее зияющее дно.

Так не бывало: валит снегопад,
И огневает ломкий клич кукушки —
Как будто разгорается набат
На голой, обессоченной макушке.

И, немо вопия, взметнул старюка клен
Кривые руки к серому восходу:

«Даруй, апрель, зеленую погоду!»
Но глух апрель — куржою убелен.

И снег лежит. Не хочет плакать снег.
Хохочет снег: «Сожги меня попробуй:
Прохоложу — не запоешь вовек!» —
И кроет землю белую хворобой.

Да, не до песен теплому комку
В тисках у холодоги-великана,
Но твоему горящему «ку-ку»
Уже поверил юный лес, Весняна.

Веди, буди от ледяного сна —
Земля должна, земля еще задышит.
Зови, бедуй: тебя поймет весна
И солнце огнеперое услышит.

1963

ВЬЮГА

Разойдется — прикончить могла бы,
А сама-то нежней незабудки —
Своенравная славная баба,
Веселунья, с которой — не шулки.

Выше леса колени взлетели,
Заметался подол сарафана...
Полюбилось мне буйство метели
Крепко-накрепко, может, и рано.

Рано, нет ли — печалиться поздно:
Ни гордыни в душе, ни корысти.
И за тучами — высь не беззвездна,
И молитва — в разбойничьем свисте.

Не обделят, ничуть не обманут
Эти страстные жаркие губы.

Все сомненья надеждами станут,
Станут снега послушны и любы.

Вьюга скроет ухабы и взлобки —
Все привычное переиначит.
Сдавши спину ей, зябкий и робкий
Не слезами — ледышками плачет.

Ну а я, зимогоров потомок,
Заслониться от лады не волен:
С первых зорь до последних потемок
Гореваньями вьюжными болен.

Заунывные песни тревоги,
Хоть в трубе, хоть на целой планете,
На тропинке любой и дороге —
Все о свете, о цвете — о лете.

1940—1975

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

На доброй пашне, в широкополье,
Олешник вымахал да лоза.
В саду крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Тропа лосиная, сыроежки,
Разлопушился всюю репей.
Как непогашенные головешки,
Швыряет гуща тетеревей.

В тени цикута — пьянее, глуше;
На взлобке лысом — солнечный гнет.
И вдруг тебе, как смутную душу,
Чашоба яблоню распахнет.

Узнал? Припомнил босое детство?
Сад в белом смехе, в обнимке нив —

Совсем не чье-то, твое наследство,
Тебе завещанный белый налив.

Простую радость, прильнувшую к дому,
Бери, бывало, хоть из окна.
Тебе, тебе — никому другому,
Тебе была вручена она. . .

Ручей зачахший. Замшелый мостик.
Крыльцо — два камня по старине.
«Я рада, здравствуй! Надолго в гости?
Ну, как жилось-то на стороне?»

Чего ж срываешь ты шишки с ели?
Я зла не помню: добра не жаль.
Ведь снова август, плоды поспели:
Иди, бери же мой урожай».

Пылает полдень, а мне морозно:
Как в суд с поличным вдруг привели.
Не надо, сердце! Еще не поздно
Просить прощения у земли.

1962

ДЕНЬ

День усеян горлицетом,
Неумолчен,
Весь обвеян август-летом,
Желт, насолнчен.

До макушки спелым жаром
Промедвянен,
Хмелем ярым по-над яром
Отуманен.

Обцелован и обшарен
Ветром рыжим,
Продублен, насквозь пропарен,
Вымыт, выжат.

Был велик, расправил плечи —
Стал огромен,

Как заботы человечьи,
Неумен.

День старателен, как руки,
И проворен:
Сколько к полдню у излуки
Скопит зерен,

Сколько песен сложит за день,
Сладит прясел! . .
Он, как песня, прост и складен,
Ладен, ясен.

День криклив, как сто бабенок
На собранье;
Он доверчив, как ребенок, —
Всепризнание.

День, как ворон, недоверчив —
Зоркий, хмурый;
Сладкий пыл его подперчен
Пылью бурой.

День, как счастья ожиданье,
Бесконечен,

Он — короче, чем свиданье
В белый вечер.

День, как ласковость людская,
Необъятен,
Как хула-молва мирская,
Беспощаден.

В дне и праздничный угар,
И тяжесть буден.
Всем — сполна: примите дар,
Входите, люди!

1956—1974

* * *

Насторожённый покой. Усыпление. . .
В зыбкий туман, в застеклевшее озеро,
В зелень закинута тихое тление —
Желтая грусть разгулявшейся осени.

Коростели никого не аукают —
Дальней дорогой за песни заплачено.
Только листве не смириться с разлукою,
Не разувериться вздоху горячему.

Полю косматому, как наваждение,
Гулкому сердцу, притихшему месяцу
Грезится милых шагов пробуждение,
Отголубевшая Росынька грезится.

Кажется, только прислушайся к полночи —
Легкие ноги о травы заплещутся! . .

Осень своими причудами полнится.
Что ей за дело, кому кто мерещится.

С горькой осины, с медовейших яблонек,
С неба густого над зябкой левадою
Падают листья, падают яблоки,
Падают звезды. Падают. . . Падают.

1967

* * *

Это очень много —
Даль да тишина,
Чистая дорога —
Наша сторона.

И пути иного
Мне не выбирать.
Мирно и лилово
Светит сосен рать.

На полях безгрешных
Синь да снегири,
В буераках снежных
Полямя зари.

Хорошо, и ново,
И светло до слез.

Что ни куст — обнова,
Что ни день — мороз.

Нет милей подарка
Сердцу и уму.
И грустится жарко
В знобкую зиму.

Я, до дна весенний,
Полубил печаль:
Что я не Есенин,
Мне до боли жаль.

Смотрят ели строго,
Ласку затая. . .
Мир тебе, Дорога,
Родина моя!

* * *

Сарайчик неструганный: станция.
«Земляк, до Красухи подбрось!»
«Пошагивай, что тебе станется,
Кобыла — не «Волга» небось.

Погода, как видишь, горяченька:
Потопай, погрейся насквозь.
И кто его выдумал, дачника?
С чего это вас развелось? . . .»

И вот я, как было предложено,
В зеленом июльском костре,
Шагаю песчаной дорожкой
Навстречу лиловой горе.

С боков то пшеница нечастая,
То темный прилив ячменя,

То куколь — муравка злосчастная —
Спокойно глядят на меня.

Колосья кругом не пудовые:
Сам-восемь пока урожай.
Ручьи как ручьи, не медовые,
А мостики — вброд объезжай.

Тихохонько плескает о сердце
Нехитрой запевкой кулик.
Нежданно-негаданно озерце:
«Остынь, торопливый!» — велит.

А в дреме земной неуеминка,
И спорок размашистый шаг . . .
И вот уже — джаз из приемника
И дедова хата, как флаг!

Вьюнков беловьюжных бессонница —
Все вьются, давно-предавно;
И в сенцах — кислинка, как помнится,
И с той же подковой бревно.

И тишь, как соломинка ломкая,
И — по три соседки в окне.
И ахает, крепко челомкая,
Родня, незнакомая мне.

1957

НЕОДОЛИМОСТЬ

В захваченное декабрем приречье
Нацелены сугробы в три наката.
Над побежденным днем угрюмый вечер
Темнеет от восхода до заката.

Молчит земля, стреноженная туго,
Ни огонька на ветках, ни движенья.
Но ищет краснолапый морозюга
У полоненных почек примиренья.

1956

* * *

В который раз одно и то ж,
В который —
Течет, цветет, дымится рожь
По косогору?

Родимый край, в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад, вчера, сейчас —
На зорях росы.

Все тот же галочий галдеж
Над придорожьем...
Так почему же не найдешь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие?

А здесь — дожди и валуны
И те живые.

И каждый высохший плетень
Певуч и волен...
Все та же речь! Все тот же день!
Все то же поле!

1942

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА

Здравствуйте, дорогая Марья Степановна!
И давненько же с вами не виделись мы.
Завернем-ка, заглянем в прошедшее заново:
На висках-то снежок — знак не дальней зимы.

Пусть морозит! Не зряшно мы летичко прожили:
Никаких не чурались печалей земли;
Походили мы длинно, а все ж не прохожие:
Что могли — то смогли, чем пришлось — подмогли.

В чемоданах у нас — только песни да присказки,
Ни тряпья в нафталине, ни звонкой казны.
И хоть прозы любитель глядит на нас искоса,
А и все же мы с вами ничуть не бедны.

Не бедны, хоть сердец от людей и не прятали, —
Что имели, сумели с улыбкой раздать.

До сих пор вам никак не расстаться с ребятами,
До сих дней мне никак от стихов не отстать.

Ничего. Потолкуем. Чаишком погреемся.
И — по «махонькой» горькой: за Русь не грешно.
Мы и завтра еще пригодиться надеемся, —
Ухмыляется некто, — ни грусть, ни смешно.

Вот и ночь пролетела. И ясная ранница
Молодыми крылами коснулась окон.
Не любитель я, Марья Степановна, кланяться.
Но примите, примите мой земный поклон!

1960

* * *

В такой большой, в такой ночи,
В миг многожданного свиданья,
Вы пойте, пойте, дергачи, —
Ни мрака нет, ни увяданья.

Греми, немая благодать,
Ликуй, высокая равнина:
Твоя любовь не знает лгать —
Нагая плоть, как вдох, невинна.

Безгрешны спелые уста
В прикосновенье оробелом.
Мерцай, печальная звезда, —
Всего одна на небе целом.

Очей озер не омрачншь
Своей космической дрожью.

Плещись, гуляй, вещунья тишь;
Венчай, камыш, зарницу с рожью.

Ни горевания, ни бед
У этой ласки безобманной.
Есть только радость, только свет
Да чистый цвет в росе медвяной.

1972

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

До чего же невеселая картина:
Тошно чавкает расквашенная глина,

Кажет ребра отошалая ракета,
И не небо — а всего большее сито.

Только стужа, день погожий и не снится.
Прослезило — негде глазу приютиться.

Плотный сумрак наплывает тихомолком
По окружью рыщет ветер сизым волком.

Над канавой — ни листочка, только прутья.
Будто в сказке, воронье над перепутьем.

Где ж то золото, что в гимнах пламенеет?
Где ж то солнце, что зимой и летом греет?

Вместо золота — пожухлые рогожи.
А пойдй найди роднее и дороже!

1946

ВЕСЕННЕЕ

Давно ли улетали журавли
С обжитых мест на край чужой земли,
И — до листка — чащобы облетали,
И ледяные ветры налетали
С чужих морей в тепло родных полей.
Туманились, тужили, стыли дали,
Мели метели, снега нападали,
И вьюги по округе завывали,
Колючую поземку завывали,
Заветные тропинки завевали.
Шумели ели. Солнце еле-еле
Бросало сквозь прореху тучных туч
Бескровный, безучастный, ломкий луч.
Давно ли было так? Совсем недавно:
Почти вчера — и все же так давно!
Сегодня ясности ожить дано,
Бубнить капели, и пригретой ели
Страхнуть с повисших плеч налипшие снега,

И маску душную смахнуть стогам,
И панцирь тяжкий вдрызг ручью разбить,
И радугу из брызг над полем водрузить.
Сегодня сердцу отгадать дано,
Как в царствии земли, не ведающей зим
И все-таки холодной,
О лядях сиротливых журавли
Горланят вдохновенно и свободно,
Поднявшись на крыло с чужих болот:
«Домой, домой, — в обратный перелет!
Домой, домой, — без нас не сгинет лед!»
Дано сегодня солнцу полыхать,
Сугробам пламенеть, синице петь,
Груди весну вдыхать,
Пьянеть, уметь и сместь!
Окидывая искристую гладь,
Глазам искать желанные приметы
И в почках замороженных на вкус
Определять, какое будет лето.

* * *

Час, и день, и две недели
Все иду, иду, иду,
А кусты не поредели,
И лугам не петь в страду.

Спит во ржи тальник-охальник,
Схвачен лен в тиски берез...
Ты о чем, о чем, печальник?
Что ж такого? Лес подрос.

И тебе природа — мать,
Все живое хочет жить,
Всем земли с избытком хватит, —
Право, не о чем тужить.

Знай дыши, расправив спину,
Бей тетер, грибы ломай,

Жги валежник, ешь малину —
Чем тебе не урожай?

Что тебе до пленных пожен,
До тоски полей глухой, —
Пусть ты понял, разве сможешь
Взвить топор перед ольхой?

Черный, белый — все олешиник,
Сам себе он господин...
Кто ж ты — пахарь, витязь, грешник,
Праздник дачник, — горький сын?

1967

НОЯБРЬ

Как стыло и как сиро на земле,
Как немо и неласково в природе:
И мокрый снег — седого пепла вроде,
И день, и ночь, и даль светла — во мгле.
Как стыло и как сиро на земле.

Печаль и неуют в моих краях:
Пугливые молоденькие ивки,
И эхо, и ручьи, и зорь обрывки
Устали помышлять о соловьях.
Печаль и неуют в моих краях.

Предзимью сожаленье не дано:
Оно сечет и жжет края нагие;
Разлука, сутемь, горечь — летаргия;
Просторы — как закрытое окно.
Предзимью сожаленье не дано.

Но ты иную песню заведи:
Что толку от рыдалистой отходной —
Холодной, непогодной, безысходной,
Которую заладили дожди.
И ты иную песню заведи.

В самом себе ноябрь укротив,
Сноп вешних слов спали в костре
напева —
Жги, не жалей их: словеса — не древа,
Они воспрянут, песню осветив.
Сжигай слова, чтоб не остыл мотив.

* * *

Было шорохливо и, как в песне, складно,
Зябко и тревожно, вольно и отраднo.

Даль — не за горами, и идти далеко,
И совсем безлюдно, да не одиноко.

Было увяданье, только не разлука —
До весны прощанье, в верности порука.

И печали вдоволь, и надежды в досталь.
Нету расставанья: впереди — лишь расстань.

1972

ЗИМНЕЕ

Тычет в глаза безмолвная гладь:
Гори, пока не угас!
Ни обогнуть, ни обогнать,
Никуда не запрятать глаз.

Нага, холодна, как вир без дна,
С канюком седым на кресте.
Только она, одним-одна,
Куда ни метнешься — везде.

И два кургана светят на ней,
Как будто раскрытая грудь.
И вросших в землю глухих камней
Никакой зарей не вспугнуть.

Никаким костром, никаким огнем
Не размять немой белизны:

И ночью, и днем, ни ночью, ни днем
Не размыкать до самой весны.

С ноября до чибисов глади стыть
На ветру, каленом как нож.
Ни позабыть, ни разлюбить,
Ни взять, ни отдать всю дрожь.

Она насовсем, она в тебе,
Душа под коркою льда.
И каждая льдинка в ее судьбе —
Твоя ледяная беда.

И каждая слезка в тихих очах —
Соленое море твое.
Прикоснись: веснеет в зимних лучах
Озябшее сердце ее!

1962

ДАЛЬ

У КОСТРА

Забоюсь. Намаюсь. Намолчусь.
Наберу побольше ветра в грудь.
И опять в сугробы окунусь:
Делать в бездорожье путь — не грусть.

Целина. Ни вехи, ни следа.
Вьюга позади и впереди.
Нелегко, неблизко — не беда:
Стоящее дело — знай иди.

Наст, ненастье, невидь — не напасть:
Уморюсь — костер засветит мне;
То-то почаевничаю всласть,
Напоюсь о ненапрасном дне.

Станет мне надежно и легко
Верить и дышать в немом краю;

Загадав далёко-далеко,
Сам — свое — тихонько запою.

Огненным морозцем обогрет,
Хлопотами дня заполонен,
Я торю какой дано мне след,
Веруя: не бездорожен он.

Не гарцую — лишь бы звонче шаг,
Уминаю беспощадный снег...
Если б следом вышел на большак
Сбившийся с дороги человек!

1953—1974

ВЫБОР

Владимиру Шустину

Ставни глухие манят меня:
«Душу сокрой».
Ложь лобызает, нож прислоня:
«Любимый мой...»

Злоба шипит: «Ужаль врага —
Ты или он».
Страх нашептывает: «Шатнись в бега —
Будешь спасен».

Горе грозит: «Не минешь цепй —
Смирись, надень».
Благоразумье учит: «Скопи —
Про черный день».

Бессовесть сулит: «Не бойся греха —
Простаки простят».

Слепота глаголет: «Жизнь лиха —
Чему ты рад?»

Любовь берет в полон не спрося,
Вяжет: «Молчи».
Гонит ветрам навстречу стезя,
Посох вручив.

Честное солнце жжет не щадя:
«Ой, продублю».
Свишет стохвостый бич дождя:
«Сунься — врублю».

Грозы велят: «Хоть кто ты, хоть с кем —
Крепче держись. . .»
Здравствуй! Веди меня. Я — насовсем,
Жизнь!

1963

* * *

Трепещущая ломкая каемка
Затешила простывший окоем,
И грудь земли распахнуто и емко
Молчит неугомонно о своем.
Моя подруга легкая котомка,
Ну вот и снова мы с тобой вдвоем.

Сидится как? Не режут лямок плечи?
Костистая спина тебя не жмет?
Держись покрепче: нам шагать далече —
На версты край родной ничуть не жмот!
«Не сварись каши из цветущей гречи,
И путь в ее медах — отнюдь не мед».

Ты ерзаешь: «Зачем встаешь? Куда ты?
Такая рань: и отдохнуть не грех!
Зазря блажишь? Аль ноги виноваты?»

Рожна какого ждешь? Каких утех?..»
Не шебарши: крепки твои заплаты,
И плечи у меня — не хуже всех.

Да и поджилки вроде не ослабли,
И на душе — не тишь да благодать!
Так что́ нам молний ломаные сабли:
Им — громоухать, нам — топтать, не пенять.
Должны мы переведасть все до капли,
Все перевидеть, выстрадать, понять.

Беспешинно-безданно столько взято
Дождей и солнц, улыбок и краях,
И бражной мяты, и ржаного злата,
Что и не счесть, — захватывает дух.
И хоть платить долги солоновато, —
Но жизнь велит. Недолго до заката!

1952

* * *

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

Давно повален добрый бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.

Ни горожанин, ни мужик,
Своей родне ничей,
Я раскаленным ртом приник,
Но глух сухой ручей.

По лысым валунам скольжу:
Ни струйки — с той весны.

Тревожно память ворошу:
Как мало там казны.

Осталась горстка чабреца
(Бывало, пили чай)
Да незабвенного лица
Прощальная печаль.

Прошли немалые года,
Затих кровавый гром.
Чего я только не видал
На свете горевом!

Я разучился просто жить
И бросил просто петь.
Теперь уж поздно дорожить —
Копить копеек медь.

И Русь не та, и сам не тот —
Иные времена.

Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.

1967

* * *

Ненастье обескровило зарю:
Все — сутемь, ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю —
Бери какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
Гляди и знай: далёко до ночлега,
И, может, только день всего до снега.
И вздохи — груз ненадобный в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой
Тревожься, горячись, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам — вьюжье: снежная страда,
Хмельные песни, холода шальные, —
Они не навсегда, они больные.
Ведь вьюги что? — Грядущая вода.

1973—1975

ПЕРЕД МАТЕРЬЮ

У забытого сыном двора
На побывку отпустит дорога.
Пыль и слезы стряхнешь у порога
И шагнешь в свое позавчера.

«Здравствуй, мать! Вот и свиделись мы!
Как тебе, моя горлинка, можется? ..
Да живой я, довольно тревожиться.
Где тут гвоздь для сыновней сумы?

Как в деревне-то нынче?»
«Живем...
Сам-то цел? До чего же худущий!
Ходят слухи, что — дерзок, что — пьющий.
Не пора ли разжиться умом? ..»

«Не жалею обветшалых сапог,
Ковш водицы плесни в умывальник,

Доставай-ка льняной утиральник:
На три дня пред тобою сынок».

Это много-премного — три дня:
Хватит властью потужить и опомниться...
Сжалась хата. Лишь печка огромнится,
Будто мы — неровня, неродня.

Но подъята секира зари —
Ласку красную ластит о стекла.
И потемки туманно-поблекло
Завещают плугам пустыри.

И плакат под божницей — немей,
И крикун-репродуктор — без грома...
«Здравствуй, мать! Я с тобою, я дома,
Ты сомненья во мне не имей».

СВОИ ШАГИ

Как только утро от порога
Покличет сделать первый шаг —
Любой большак тебе дорога
И тропка всякая — большак.

И ты, пылая в зябкой рани,
Легко на свете заживешь —
Пойдешь, постигнешь все заране
И все стремительно поймешь:

Себя и песню, день и счастье,
Мир, беспечальный и ничей.
И ни намек на ненастье,
И все — твое, без мелочей.

К чему тебе из труб дымишко,
Росинки всхлип, петушья весть

И ветрик, робкий, как ручьишко,
Когда большущего не счесть;

И до заката так далёко,
А даль от глаз и рук — на шаг...
А ведь большак — всего дорога,
И тропка лишь одна — большак.

1973—1974

* * *

Когда мы жизнью вдоволь наиграемся,
Натешимся, намаемся до дна,
Тогда мы снова жить засобираемся,
Как будто нам вторая жизнь дана.

1966—1967

СОН О ДОМЕ

Мы теперь на самом краю.
Мы — это я да мыши.
Весь я совсем не топлён стою.
Ты, хозяин, не пьян? Ты меня слышишь?

Ну какая это компания — мышь?
Куда ни шло, хоть бы кот захудалый...
Ох, батька беспечный, ты вроде храпишь?
Устал, говоришь? А я — не усталый?

Зачем-то удумал, что я — неживой,
От своих воротись бритое рыльце?
Ишь, дрыхнешь! А мне от судьбы ножевой
Никуда не уйти, некуда скрыться.

Сегодня как раз день именин;
Поневоле заплачешь с такого веселья:

Ровно десять лет, как стою один,
С твоего столичного новоселья.

Не признаёшь меня? Я — твой дом,
По-старому то есть — судьба-опора.
А тут бригадир страшает: «На слом!»
Подо мной, вишь, сотка земли без призора.

Я-то не робкий, да трусь не трусь,
А понимать положение надо:
В одиночку долго не продержусь,
Быть беде: зазря пропаду без догляда.

Сам посуди: на полах мокреть,
Крыша-то в десяти местах прохудилась...
Ты уж прибудь свой кров осмотреть,
Сделай такую милость!

Хотя ко мне заросли пути,
Хоть бузина разбузилась окол,
В деревне меня попробуй найти
По кривой трубе, по окнам без стекол.

Как, значит, прибудешь, пройди лесок.
Потом в крутосклон покарабкайся малость:

Три шага — и ступишь в белый песок
(Не забыл, как в нем хорошо игралось?).

Отсель до меня подать рукой.
Не дюже заманчив стал, не скрываю.
А каков стоял, был я какой:
Не из последних, да и не с краю!

Да вот соседей моих и друзей
За бутылку и сотню мятых рублевок
Пожгли на дрова, где муж — ротозей,
Перетянули в город, кто ловок.

Признаться, и я с такой маеты
Готов очистить землю хоть ноне ж,
Да вот все думаю: как же ты?
Где без меня главу приклонишь?

1954

ДАЛЬ

Ржавь — золотые соты,
Сонь — бег ручья.
Кто ты? Кто ты?? Кто ты???
Чья? Чья?!

За топью страшною —
Веселая цветь.
Не взыщи, что спрашиваю,
Ответь, ответь!

Буйно, бойко
Бьет ключ-студенец, —
Тесак разбойника?
Меч-кладенец?

Черные ольхи
В кольце разрыв-травы.

Протяжные вздохи
Беспечной синевы.

Как рыба в неводе,
Тычешься в неоглядь:
Негде, негде
Сердце унять.

В сторону каждую
Распахнута дверь.
Бегучую жажду
Уйми, умерь.

Размыкай, прикончи
Гулкую тишь...
А ты все звонче
Взахлеб журчишь:

«Живое сердце
Зачем унимать?
Ключу не напиться,
Не отсверкать».

Ты смотришь так шало
И грустно так —

Пути начало?
Последний шаг?

В таволгу, в ряску
Прольешься весь.
А мне бы сказку
Воплотить в песнь!

Ведь я и не был
Еще ничуть.
Былину мне бы
В быль обернуть!

Ты молчаливо
Велишь: «Иди —
Ни прямо, ни криво —
Да в оба гляди!

Спохватись, детина:
В истоке моем
Вещая былина
Порастает быльем.

А впереди, дружище,
Где бой кровавый был,

На скорбном пепелище —
Радостная быль.

Направо — сказка
С дурнем, с дворцом,
Любая развязка
С победным венцом.

Песня — налево,
Плач из души.
А припев! — от припева
Хоть пляши.

Так что, голуба,
Любой мой край,
Коль даль тебе любя,
Айда выбирай.

Есть и награда,
Не даром зову:
Разве не отрада
Уйти в синеву,

Что шаг — новоселье
Свое справлять?

Разве не веселье —
Со мной горевать?

Зрачки таращить:
Перед грудью — даль,
Блескуча, звеняща, —
Чем не медаль?

А что солнце — жалобное,
К ветру... ничего, —
Будет и жалованье,
А как же без него:

За сказку — сто,
За быль — кому что,
За былинку — пятак,
Песня — за так.

Ан суть не в медали,
Не в пятаке прок —
Без родимой дали
Неужель не продрог?»

1967—1975

НЕЗАБУДКИ

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Теперь ты песен прежних не поешь,
По-новому смеешься и горюешь —
Ты городу красу свою даруешь.
А я все тут, все на себя похож.

Пашу и сею, с мужиками пью
(И хоть бы что без городского быта),
Тревожу совесть — страшного судью
И поминаю то, что не забыто.

У нас — дыши! Уж не томит жара,
И желтизною сентябрит из леса —
Приходит стихотворная пора.
Да это все тебе без интереса.

А я все виршами себя лечу,
Жду славу, все надеюсь заработать.

Ты хмуришься: «Пегас не по плечу»,
Ты гневаешься: «Свой кусаешь локоть».

Считай как можешь. Каждому свое:
Ты любишь жить надежно, я —
надеждой.

Спокойной прозой душеньку утешь ты —
Не мне судить твоё жите-бытье.

Я не собьюсь с дороги, не тужи,
Не прокляну затученное солнце,
Я не один, мне есть что петь, кем жить:
Любимая — любимой остается.

1967

* * *

Ты мне кажешься полем
На предзимних закатах —
Молчаливою болью
Колосьев несжатых.

Ни души. Налетает
Ночь на крылищах черных.
Мрак часы коротает
В твоих выспевших зернах.

Бесприютно и пусто,
Безучастно: «Одна я...»
Шорох, тихий и грустный,
Как звезда зарева,

Тонет, впитанный небом,
Осыпается: сроки...
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге.

1948—1965

ПЕСНЯ

Валентине Черновой

Сыплет небо порошею,
Обнажается дно.
Помню только хорошее,
Дорогое одно.

Владимир Солоухин

Ходит мороз за окном,
Посохом в стену стучит.
Снегом закиданный клен
Целую ночь промолчит.

Долго катиться луне,
Ясно сугробам гореть.
Что ж не заглянешь ко мне —
Песню улыбкой согреть?

Робкую песню мою,
Тихую хату в глуши.

В замороженном краю
Снеги поют. Ни души.

Над целиной — пелена,
Что там за ней? — угляди...
Наша дорога длинна,
Всякое будет в пути.

Всякое будет? Ну что ж,
Встречу, коль в двери войдет!
Вечер сегодня хорош,
Звезды ведут хоровод.

Вечер куржою опал,
Выскрил тропку и лог...
Я тебя, нежная, ждал,
В сердце носил и берег.

Радость придется забыть,
Вьюга друзей отпоет,
Но не устану хранить
Светлое горе мое.

1946—1975

* * *

Есть одна на белом свете правда —
Дню сожженья нет.
Как вчера и как сейчас, так завтра —
С нами солнца свет.

Тьмища не затопит никакая
Всех огней огня.
Не гляди так зябко, дорогая,
Не суди меня.

Гомон дня на вешний гимн похожий,
Как родник бегуч,
Расплескался, льется в час погожий —
Что ему до туч.

Даже хмарь ясна. В ее разливе —
Видишь? — блеск и смех.

Ладит август радуги на ниве
Всем, да не для всех.

Понимаю: догорает лето,
Что о том тужить.
Время вместо песни нашей спетой —
Новую сложить.

Сентябрины — для нее не сроки.
Вздых — не лед в груди.
Не зови назад — не в песню строки.
Что там впереди?

1947—1973

НЕПОГОДА

Беспокойней, горше, жгучей год от году
Вижу — до ветринки — милость-непогоду.

Будто в ласку мая, в стужу окунаюсь.
Иль зову бывшее? Или в чем-то каюсь?

Ведь и так бывает: было да не сбьлось,
И не надо помнить, и не позабылось.

Вечером тревожным, знобким листопадом
Мы, боясь ненастья, шли с тобою рядом.

Дождевые всхлипы в темноте чернели,
И молчали звезды, и роптали ели.

Я и сам не знаю, что с тобою случилось:
Ты меня позвала, вся ко мне прижалась;

Осветила душу лучезарным светом!
Может, непогода виновата в этом?

Непогода, нет ли — нам какое дело.
Разве мог я тронуть сдавшееся тело.

Все оно звенело, как струна тугая.
В плащ тебя закутал, будто ты нагая...

«Ты припоминаешь?» — «Кажется,
забыла. »

Ничего, бывает: ты ведь не любила.

1973

СБУДЕТСЯ

В солнышке нам не отказано:
Робко, да светится высь.
Что ж ты грустишь, ясноглазая?
Что ж ты молчишь? — Раззвенись!

Не насовсем заметелила
Темная выюга пути.
У соловьиного терема
Светлому лету цвести.

Кончится время морозное, —
Май, что далече теперь,
Явится рано ли, поздно ли,
В быль обернется, поверь.

Все, что задумано, сбудется,
Только бы сердцу гореть!
Выйди скорей в многолюдицу,
Радость озябшую встретить!

1940—1975

НЕЗАБУДКИ

Еще вчера вольный и молодой,
Безоблачно, доверившись минутке,
Мы шли у этой ласковой воды
И нам светили наши незабудки.

Они глядели очень голубо
И любяще из таволги белесой.
И луг, и ключ, и лепесток любой
Не помышляли о поре покоса.

Но молодое лето ведь, как всё,
Цветет, гуляет, а потом стихает,
Иные помыслы в себе несет —
Грозою и страдою набухает.

Вот так и ты на незабудки те
Спокойно смотришь: «До чего унылы,

И где цветут — в болотной маете». —
Уже тебе цветы иные милы.

Так было. И так будет впредь. Смолчу...
Прохладно и просторно в поле чистом.
Пошли, коса, я душу полечу
И сердце усмирю железным свистом.

Брусок наждачный — лучшие слова,
Да жаль, что мы их поздно произносим.
Вот здесь, коса, — трава-то! ах, трава!..
Всему свой срок. Давай, коса, покосим!

1967

ОСЕННЕЕ

Ближе дали, гуще ночи,
Колкий иней вдоль обочин,
Воздух резок и упруг,
Огнецветь — сгорают рощи.
Всё вокруг милей и проще:
Осень, друг.

Скоро станет онемело,
Зимно, бело... Что за дело:
День короче — да полней,
И студеней — да яснее,
И дорога — не теснее,
Сердце строже — да ровней.

Радость мерить точной мерой,
Другу платишь полной верой
И не копишь зла врагу,
И Весняна, дочка мая,

Буйнотравье приминяя,
Не мелькнет на берегу.

Грузен груз — и так легко мне,
Позабыл, а память помнит
Косы в росах, в звездах плес...
И спешешь в пожар холодный,
Озабоченный, свободный,
С бедованьем не для слез.

И хоть грусть не разуверишь —
Жизнь на свой аршин не меришь:
Мерь не мерь, сплыла вода.
Тишь восходит, в даль уводит,
А Весняна не приходит.
Осень — всем своя страда.

1946—1962

ВИШЕНКА

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не очень бела?
Что же ты загорюнилась, вишенка,
От подружек в сторону ушла?

Всем им просто цветется и песенно —
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Сквознячка не приветила вешнего,
Льется грусть из-под строгих бровей,
Ждешь кого-то иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть сухойей?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не откликнешься сердцем ничуть.

Но люблю у высокого бережка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Все горит над забытыми крышами
В несказанной печали лицо...
На мою невозвратную Вишенку
Ты похоже, горюн-деревцо.

1967

ИМЕНИНЫ

Было поздно или рано:
Лес и озеро затихли
Или, может, не проснулись,
Нежась в ласке голубой.
Ни ветринки, ни тумана,
А и есть они, до них ли?
Мы нашлись, домой вернулись —
Ты да я, да мы с тобой.

Млечный Путь, костер и месяц
Не темнят ничуть друг друга,
Чудодейство увяданья
Зажигая и граня.
В гранях — цветень перелесиц,
И вода как будто вьюга,
И тропинки как преданья,
И кусты — снопы огня.

Всё-то — песни даровые,
Всё желанное — возможно.
Всё несбывшееся — рядом —
Не солжет вещунья тишь.
Ты в глуши моей впервые.
Дышит лес. Тебе тревожно.
Ты, как верба листопадом,
Оробело шелестишь:

«Чья душа, изнемогая,
Остается так невинна?
Кто так ясно выражает
Несказанные слова?»
«Ты не бойся, дорогая,
Это ночи половина,
Это лето провожает
Беспечальная сова».

Светом сумерки сочатся,
Будто вишня великанья,
До земли прогнулось небо
От больших и спелых звезд.
Что слова? Не намолчатся,

Не наслушаться молчанья.
И, как вздох, как лóмоть хлеба,
Мир — невыразимый — прост.

ТВОЙ ДОМ

Светлыню росной,
Полночью беззвездной
Под свист бурана —
Домой вернуться никогда не поздно,
Всегда не рано.

Не в срок вернешься,
От сует очнешься,
В себя заглянешь,
К родному сердцу сердцем прикоснешься —
Кого обманешь?

Не кайся слезно:
«В жизни многоверстно. . .» —
Нет оправданья.
Домой вернуться никому не поздно
Без опозданья.

1973

ОКТЯБРИНЫ

В затемнелой желтизне,
Тихий луч даруя,
Кто-то тужит обо мне,
Да не разберу я.

Кто-то в зябкий вздох огня
Фукает сторожку —
Для меня искринку дня
Пестует в ладошках,

Робко в пегую межу
Сеет зерна лета.
Я не гордый, я гляжу,
Кличу. Жду ответа.

Но безмолвствуют уста
Хмурого тумана,

И вздыхает грудь куста
Ласково и рдяно.

В чаще светятся глаза
Незабудки кроткой.
Оборотишься назад:
Гаснет день короткий.

То ли слезы, то ли дождь
С лап еловых льется.
В иглах дрожь. И ты вздохнешь:
Как тут не взгрустнется?

Призамрешь, оторопев,
Будто спотыкнешься.
И поймешь простой напев:
Полюбил — тревожься!

1947—1964

НА ОГОНЕК

Что я любил? — землю глухую,
Жену, сбежавшую с другом моим,
В час горевальный забаву плохую —
Воспоминаний едкий дым.

Жалко и стыдно, жгуче обидно:
Нет виноватых, на всех — вина...
Пусто и поздно. Неба не видно.
Дорога, как дума, длинна-длинна.

Под сапогами шаркает осень —
Тоже горюнья, тоже горька.
Будто и нету на свете вовсе
Ни человека, ни хуторка.

Но впереди огонек желтеет:
Кто-то не спит, где-то — живой.

Ждет он кого, загулял, болеет,
Напуган теменью ветровой? ..

После узнаешь. Дело не в этом.
Топайте, ноги, хватит брести:
Жив огонек — будешь согретым,
С черным ли, с черствым — с хлебом в горсти.

Шире огонь. Собачонка лает.
Над звонкой землей впереди — звезда!
А что жена — так это бывает.
А что дружок — так он же проста.

1967—1974

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Не надо горьких глаз, не надо тихой грусти:
Пройдут года, и, ждать устав, беда
Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь. Но ты скажи, куда?

Не надо бодрых слов — и в них тоска все
та же:
Растерянность, испуг, незримый плач.
Люби меня, чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь. Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять и ни к чему кориться —
Метельный путь мой без того не гладь.
Храни себя, не верь, что ты вдовица.
И я вернусь. Но как тебя узнать?

Вернусь! Лишь мой совет ты, верная,
исполни,
Когда уйду туда, где вечный бой.
А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу. Я еще с тобой.

1967

ПРИЗНАНИЕ

* * *

Живет, простодушна, как правда, на свете
Простая сторонка одна.
Что знаем о ней мы, беспечные дети?
Нам головы кружит луна.

Иному знакомее Марса пустыни,
Понятней Венеры жарынь,
Чем травы густые, чем песни простые,
Чем здесь безымянная синь.

Не долго собираться, не хитро добраться:
Допустит без визы в себя.
Рули в ту державу без лоций и раций,
С одним только — землю любя!

Входи без оглядки, без умысла злого:
Здесь быть никому не запрет.

Хоть где приустанешь — не будешь без крова,
Имей только в сердце привет.

Две зори и месяц глядят на дорогу,
У каждой калитки — июнь.
И убрана тропка к любому порогу
В светлынь, в светозарную лунь.

Весь край, от грозы до былинки невнятной,
Зовет, освещая твой путь, —
Вся родина, ширью своей необъятной,
Вливается в грудь: не забудь!

Спеши, пока любят, пока не забыли,
Пока еще совесть жива.
Здесь — дали и глубины, здесь — сказочны
были,

Здесь — клады, в них — диво-слова.

Без них сердцу русскому власть не светиться
И в полный накал не тужить.
Найди эти чуда, услышь — пригодится
И петь, и любить, и служить.

1972

РУСЬ ЗВЕЗДНАЯ

На неостывших ворохах золы
Глазастятся хоромы в лик дороги.
И обгоняют клеток свой орлы,
И облетают месяц круторогий.

Прямушие железные столбы,
И дедовский извилистый проселок,
И бражная распахнутость гульбы,
Расплесканная счастьем новоселов.

Ржут битюги стальные — трактора,
Мчат рысаки в огнях — автомашины.
И — с «Маршем космонавтов» — детвора,
И стародавний тенор петушинный.

Селенья, будто стон судьбы славян:
Горелицы, Красуха, Слезы, Доля...

Над пустырем вознес ручишу кран,
И здравствуют себе ладони поля.

Жив на кресте путей часовник сруб —
Сутулится под мохом смутным эхом.
И с ним бок о бок — трехэтажный клуб,
Залитый электричеством и смехом.

И след звезды, сгорающей дотла,
И взлет звезды, зажженной человеком.
И наша жизнь, уж тем одним светла,
Что носит в чреве встречу с Новым
Веком.

1958—1974

ЛИСТОБОЙ

Случается: июлем знойным
Слетит с березы желтый лист —
И сразу станешь беспокойным,
И ясный день не так лучист.

Весомей дымка, небо строже,
Задумчивей шептун-камыш.
И углядишь на жаркой коже,
Как выстывает в чаще тишь.

Почуешь: кроткая осина
Бросает в дрожь приют рябой.
Крадется следом образина —
Угрюмый ветер-листобой.

Прозреешь: табунится птица,
Вода стеклянной --- глубь видна.

И сожаленье угнездится
В душе, распахнутой до дна.

И ахнет взрыв от сердца к горлу:
Хоть лист, хоть царь — один финал.
И в полдень врежешься, как в гору,
И время спросит: «Не устал?»

1957—1974

* * *

Покойны желтые озера,
Спокойны синие пески:
Они, как старость, без укора,
Они, как юность, без тоски.

Над ними льдела и кипела
И старина, и новизна,
А им до века мало дела —
Все та же синь да желтизна.

Хоть друг, хоть ворог хлопни дверью —
Ни радостно, ни горевно...
А я не верю, я не верю,
Что все на свете все равно.

1966

* * *

У дня и ночи граней нет:
Рассвет — закат, закат — рассвет.

Гроза и выюга, зной и стынь —
Пресветлый мир, живая синь.

В осенней горечи разлук
Веснеет вновь пожатье рук.

Дорога, будь хоть без конца,
Соединяет два крыльца.

Печаль и радость — две сестры,
Людские жаркие костры.

Высокий гимн, частушку ль взять,
Коль в них душа, все — песней звать.

Неразделимы рань и позднь...
Лишь родина с чужбиной — рознь.

1943—1975

ПРОСЕЛОК

Старинушка, тихий проселок,
Тебе ведь под тысячу лет.
Страж-ветер твой зорек и колок,
А воздух спрессован и сед.

Синь зной напоен медопьяном:
Част вереск полгода цветет.
В июнях разливом румяным
Плывет по закату восход.

Багровое в рани лиловой
Огромное солнце встает.
И сумрак в чащобе еловой
Тревожные песни поет.

Мне все тут свое поневоле:
Волнистый текучий песок,

Замшелый валун в суходоле,
И тишь, и клеста голосок.

Все живо: густая прохлада,
С рассветом сбежавшая в ров,
И днёвка вздремнувшего стада,
И добрые морды коров,

И смех голосистых доярок,
И дымный пастуший костер,
И грозы, летящие яро
В иссохший от жажды простор.

Здесь воздух нахвоен и колок,
А ветер и горек, и сед.
Не диво: ведь этот проселок
Бежит, может, с тысячу лет.

Сутулит надежную спину, —
Испытано в жизни всего...
Но врос он в родную долину,
И время не стерло его.

1950—1975

ТИХАЯ РОДИНА

Телега твердит на колдобинах:
«Скорее, скорее домой! . . .»
Земля без идиллий особенных,
Сказать — не фартовой иной.

Ни злом, ни добром не обойдена,
Привыкшая прямо стоять,
Моя неречистая родина,
Неровная светлая гладь.

Какие просторища вихорю!
Польнно. А ты весела.
Прости деревенскому жихарю,
Что он поотвык от села.

Прости, что, возросший на ячниках,
Взогретый на русской печи,

Оратай твой числится в дачниках:
Ведь в городе гуще харчи. . .

Ты душеньку ль тешишь обидою,
Надеешься, праздника ль ждешь, —
Крутым калачам не завидуя,
Баючишь негромкую рожь.

Лишь солнце твоих не сторонится
Мозолей, морщин и седин,
Да пляшет замшелая звонница
Под звездную дудку турбин.

Но ты возрастаешь, не сетуя,
И час тебе всякий погож. . .
Ах, родина, песня неспетая,
Откуда ты веру берешь?

1947—1964

ВЕЛИКАЯ

К тебе придет рассеянный турист,
Взберется на карниз известняка,
Посмотрит равнодушно сверху вниз,
Холмистые окинет берега,
Пожмет плечами: «Ты невелика,
Хваленая Великая река».

А я с воспоминанием вдвоем
На берегу твоём стою без слов.
Не нагляжусь на чистый оком,
На стену поседелых плитняков,
На псковских синеглазых мужиков,
Не надышусь лучистым холодком.

Ты слышала, как мать моя, стена,
Под вербой у плетня, в тени рябой,
В свои семнадцать лет ждала меня.
Ты видела, как я увидел свет —

Свет самый первый, — светоч над избой,
До сладкого страданья голубой.

Не кто-нибудь другой, а ты меня
В разгаре августа, в начале дня,
Обмыла, окрестив святой водой.

Потом, когда пришел покой земной,
Тобой заполоненный и луной,
Ты, моя доля, гулька, звеня,
Баюкая бессонною волной,
Запела песню дедов надо мной.

Не кто-нибудь другой, а ты меня
Избавила от лютого огня
В пылающем безжалостном аду,
Когда отряд наш угодил в беду
И пасть свою сомкнула западня.
Горела гимнастерка у меня,
Горел в груди свинец: «Конец...»

конец. . .»

И задыхался я, врага кляня.

Не кто-нибудь другой, а ты
Мне пламя залила

И остудила боль живой водой,
И, от карателей пригорком заслоня,
Скрывала в камышах до темноты.
Что было бы со мной, когда б не ты!..

Ты знаешь: я не гость заезжий здесь,
А сын крещеный твой.
Все, все во мне твое — что будет и что есть.
Где б ни был, я неразделим с тобой:
Твой — весь!

И что с того, что ты невелика,
Родимая Великая река.

1956

* * *

Сушь-земля сырая,
Тихие укоры,
На тебе сгорая,
Сердятся моторы.

Верь им: сонь отпета
Яростным оралом;
Слышишь?.. Нет ответа
Ни в большом, ни в малом.

Клонит в дрему, будит
Жаркая остуда.
Загляделись люди,
Заждались чуда.

Никуда не деться,
Жаждасть неизбывней —

Не врачуют сердца
Обещанья ливней.

Накипают стыни,
Пригибают ветры,
Да в печали синей
Льются километры.

Смотрят раздорожья
Вкрадчиво и добро,
Чтоб горячей дрожью
Садануть под ребра!

1942—1964

НАЧАЛО

Вышел срок — не отложишь:
Бросил серп, дал чертей,
И завил батька рожью,
Не жалея лаптей.

«Гришин Колька-то, лихо,
Ишь, его припекло!..»
«Цыц! За бабкой Кузьмихой
Почесал на село».

Нес мужик повитуху,
На закорках качал.
«Нету, родненький, духу,
Хоть бы рысью не мчал..»

В доме — бух на колени
Бабка (темный народ):

Там, в большом углу, Ленин
Звал с плаката вперед.

Было за сто старухе,
Свет — тумана серей:
«Боже, дай молодухе
Разрешиться скорей! . . .»

Намолилася: «Выйдем:
К речке надо бы, Марь. . .»
Вот как свет я увидел,
Синеглазый скобарь.

1960

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Да сколько ж их в колючей роздыми,
И как же скоро зацвели!
Крылатыми свисают гроздьями —
Точь-в-точь в цветущем льне шмели.

И все тихохонько качаются,
Роняя долу желтый хруст,
Озябших губ твоих касаются,
Чуть горьковатые на вкус.

Близехоньки, совсем несказные,
И, не спрося, в полон берут.
Они зовут, и путь указывают,
И зачинаются, и мрут:

Вот впереди мелькнула новая,
Вдруг зрелая оборвалась. . .

Притихла гладь семиветровая,
Дивясь на инееву вязь.

А путь обвит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И, может, в этой щедрой россыпи
Зажжется и твоя звезда.

1946

ПРИТЧА

С намека да с упрека
Кого теперь приймешь.
Не много в притче прока,
Но есть и польза все ж.

Бесстрастье отсучало,
Воды набравши в рот.
Лиха беда начало, —
А вдруг да проберет?

Проклюнулись (приметь-ка!)
На грядке три листа:
Бурак, чеснок и редька —
Два брата и сестра.

Им солнышко светило,
На ласку не скупясь,

Их летишко поило
Росой медвяной власть,

В озноб гроза бросала
И темень ночь трясла,
Но их земля спасала
От горюшка и зла.

Глядела добрым оком
На детушек своих,
Своим могучим соком
Вскормила всех троих.

Всех поровну любила
И крепко берегла, —
Ни в чем не обделила,
Ничем не обнесла.

Юнцы большими стали,
И хоть единый сок
Они в себя всосали,
Ан разный вышел прок:

Из радостей и горя
Чеснок извлек душок,

Добыла редька горечь,
А свекла — сладкий сок.

«Проблемы огорода
Стары давным-давно».
Вот то-то и оно-то,
Вот то-то и оно.

Чадят иные чада:
«Не в нас — в житье вина!»
На жизнь пенять не надо:
Земля для всех одна.

1940—1963

* * *

Бездонный березовый омут,
Совсем полонящий озон.
И раны житейские тонут,
И годы ничуть не резон.

Идетса свежо и шажисто,
Мечтается в полный накал.
И сам, захмелевши от свиста,
Бросаешься в майский кагал.

Ни вешки нигде, ни приметы.
Замшелая бедная даль,
Ты под ноги мне первоцветы
Кидаешь! Неужто не жаль?

Тихоня, зеленая буря,
О, как ты добра и крута:

Плакучие руки лазуря,
Чуть что, не придержишь кнута.

За шиворот цапнешь простежки
И вжихаешь: «Вот тебе! Жжет? ..»
И тут же заботно, по-детски,
Пофукаешь: «Все заживет!

Здесь путь твой — ничуть не
прогулка»

Отсюда не пустишься вспять. . .»
И немо — и гулко-прегулко,
И знойно — и дрожь не унять.

То мчится листва — без движения,
То замерла — крылья вразлет. . .
Какое в тебе наважденье?
Какой колдовской приворот?

Ни края кругом, ни причала,
Как волны, кипят соловьи.
И нет ни конца ни начала —
Лишь ты да щедроты твои.

* * *

Ивану Лыцову

Тебя принимая, себя не жалею,
За волю неволей плачу.
С поклоном пожму пятерню снеговою,
Прижмусь к ледяному плечу.

Хоть небо твое чужевысей не выше
И к стуже — закатный костер,
К тебе, моя Вьюга, пришел я — не вышел:
И руки, и душу простер.

Застыну, оттаю над бездною гладкой.
Поверю в весеннюю Русь,
Вздохну ненароком, заплачу украдкой
И вновь над собой засмеюсь.

1943—1963

ПРИЗНАНЬЕ

Пою, Россия, с веком вместе
Святые даты,
Грядущих дней благие вести.
Твой пути, твои поля,
Дворцы пресветлые и хаты,
Свет не черня, тьму не беля.

Я здесь горю не славы ради,
Такое дело:
Мне за короткий век мой сладить
Велели песню

долг и честь.

О, если б ты ее запела,
Поверила бы: песня есть!

Я оступался — помню, знаю —
И падал больно.
Но никакая «хата с краю»,

Черна она или бела,
Мне, пусть невольно или вольно,
Ни разу с краю не была.

Быльем не заросло былое,
Не отрекаюсь.
Зло страшное и просто злое,
Что привелось перенести,
О чем молчу, чем вечно маюсь,
Как я тебе — ты мне прости!

Ты все про век, Россия, знаешь —
Любую малость;
Не забываешь, понимаешь,
Что отчего и что к чему,
Какой ценою петь досталось
И что положено кому.

1960—1972

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	3
«Здравствуй, бережек с чуткими ветлами...»	7

ЛИХО

Сгоревшее — несожженное	11
Набат	14
Лихо	16
Люба Смурова	18
Буря	19
Верность	21
Разведка	24

Поединок	26
В сугробах	28
26 сентября 1943 года	31
Засада	32
Переход	34
Москва	36
«Последний выстрел замирает...»	39
Победа	41

КРАСУХА

После войны	45
На пепелище	47
Плач по Красухе	49
«На последнем своем берегу...»	53
У причала	55
Отчизна	58
Веретенка	60
Глушь	63
Синица	65
Не восемь полей перейти	67
Июнь 1945	70
«Знать, нельзя иначе...»	72
Дорога	74

Память	76
«Любо ли, так себе, лихо...»	79
Красуха	81

ВЬЮГА

«Не шелóхнется, не встрепенется...»	85
В снегопад	87
Вьюга	89
Горькие яблоки	91
День	93
«Насторожённый покой. Усыпление...»	96
«Это очень много...»	98
«Сарайчик неструганный: станция...»	100
Неодолимость	103
«В который раз одно и то ж...»	104
Марья Степановна	106
«В такой большой, в такой ночи...»	108
Поздней осенью	110
Весеннее	112
«Час, и день, и две недели...»	114
Ноябрь	116
«Было шорохливо и, как в песне, складно...»	118
Зимнее	119

ДАЛЬ

У костра	123
Выбор	125
«Трепещущая ломкая каемка...»	127
«От деревенщины моей...»	129
«Ненастье обескровило зарю...»	132
Перед матерью	134
Свои шаги	136
«Когда мы жизнью вдоволь наиграемся...»	138
Сон о доме	139
Даль	142

НЕЗАБУДКИ

Письмо любимой	149
«Ты мне кажешься полем...»	151
Песня	153
«Есть одна на белом свете правда...»	155
Непогода	157
Сбудется	159
Незабудки	161
Осеннее	163
Вишенка	165

Именины	167
Твой дом	170
Октябрины	171
На огонек	173
Перед дорогой	175

ПРИЗНАНИЕ

«Живет, простодушна, как правда, на свете...»	179
Русь звездная	181
Листобой	183
«Покойны желтые озера...»	185
«У дня и ночи граней нет...»	186
Проселок	188
Тихая родина	190
Великая	192
«Сушь-земля сырая...»	195
Начало	197
Под звездами	199
Притча	201
«Бездонный березовый омут...»	204
«Тебя принимаю, себя не жалею...»	206
Признание	207

Григорьев И.

Г 83 Жажда. Стихотворения. Оформл. художн. Н. Михайлова. Л., «Худож. лит.», 1977.

216 с.

В сборник включены стихи из десяти книг, вышедших у Игоря Григорьева за годы его поэтической деятельности. Это стихи о Родине, о войне, о любви, о близкой сердцу поэта Псковской земле.

Поэзию Игоря Григорьева отличают страстность, взволнованность, гражданственность, самобытность поэтического строя; в ней отражена судьба поколения, вынесшего на своих плечах всю тяжесть войны.

Г $\frac{70402-053}{028 (01)-77}$ 86-77

Р 2

Игорь Николаевич
ГРИГОРЬЕВ

Ж А Ж Д А

стихотворения

Редактор

А. Рудёва

Художественный редактор

А. Гасников

Технический редактор

М. Шафрова

Корректор

И. Евстифеева

ИБ № 512

Сдано в набор 21/VI 1976 г. Подписано в печать 4/XI 1976 г. М 32675. Бумага тип. № 1. Формат 84×108^{1/64}. 3,375 печ. л. 5,67 усл. печ. л. 3,946+1 вкл.=3,960 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Заказ № 695. Цена 52 коп. Издательство «Художественная литература». Ленинградское отделение, 191186, Ленинград Д-186, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

